

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.21>

Хетагурова Дзерасса Казбековна

"ЗАЧЕМ?" И "ПОЧЕМУ?": ТЕМА МОЛИТВЫ В ПОЭЗИИ СИМВОЛИЗМА (К. Д. БАЛЬМОНТ И А. И. ТОКАЕВ)

В статье рассматриваются два стихотворения: "Зачем?" крупнейшего представителя "старших символистов" К. Д. Бальмонта и "Ц?м?н?" ("Зачем?") осетинского поэта-символиста начала XX века А. И. Токаева. Центральная тема обоих текстов - молитва, обращение к Богу. Произведение Токаева написано под непосредственным влиянием стихотворения Бальмонта, но трактовка темы у поэтов различна. В результате анализа выявлены особенности в образах лирических героев (разочарованный декадент у Бальмонта и страдалец с сердцем-ангелом у Токаева) и в раскрытии темы молитвы с точки зрения духа времени: рубеж XIX - начало XX века у Бальмонта и революционные годы начала XX века у Токаева. Автор впервые в русском и осетинском литературоведении обращается к сравнительному анализу выбранных стихотворений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/6-2/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 6(84). Ч. 2. С. 304-308. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.09

Дата поступления рукописи: 03.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.21>

В статье рассматриваются два стихотворения: «Зачем?» крупнейшего представителя «старших символистов» К. Д. Бальмонта и «Цæмæн?» («Зачем?») осетинского поэта-символиста начала XX века А. И. Токаева. Центральная тема обоих текстов – молитва, обращение к Богу. Произведение Токаева написано под непосредственным влиянием стихотворения Бальмонта, но трактовка темы у поэтов различна. В результате анализа выявлены особенности в образах лирических героев (разочарованный декадент у Бальмонта и страдалец с сердцем-ангелом у Токаева) и в раскрытии темы молитвы с точки зрения духа времени: рубеж XIX – начала XX века у Бальмонта и революционные годы начала XX века у Токаева. Автор впервые в русском и осетинском литературоведении обращается к сравнительному анализу выбранных стихотворений.

Ключевые слова и фразы: символизм; декадентство; стихотворная молитва; лирика; трагизм мира; одиночество; избранничество; литературный герой; К. Д. Бальмонт; А. И. Токаев.

Хетагурова Дзерасса Казбековна, к. филол. н.

Научно-исследовательский отдел «Центр скифо-аланских исследований»

Владикавказского научного центра Российской академии наук

dze-khe@yandex.ru

«ЗАЧЕМ?» И «ПОЧЕМУ?»: ТЕМА МОЛИТВЫ В ПОЭЗИИ СИМВОЛИЗМА (К. Д. БАЛЬМОНТ И А. И. ТОКАЕВ)

Началом новой поэтической школы – символизма – в России принято считать 1890-е годы XIX века. Символизм привнес в литературу новые идеи, образы и трансформировал уже имеющиеся. Так, тема молитвы, которая всегда присутствовала в творчестве классиков русской литературы (В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Е. А. Баратынский), в символистской поэзии приобрела особое звучание, вызванное изменившимся мироощущением, связанным с брошенностью, страхом и пустотой, поскольку «в эпоху символизма человек ощутил себя одиноким на затерянной в космическом пространстве Земле, одиноким под пустым небом» [8, с. 5], из-за чего молитвенность в лирике приобрела обостренный трагизм и некоторую абсурдность.

Мировосприятие рубежа XIX – начала XX века сформировывалось под воздействием множества причин: нищенский тезис о том, что «Бог умер», необходимость перемен и переосмысление прошлого, страх перед будущим, поиск новых художественных форм, расширение роли художника. Как следствие этого «переходная ситуация, означавшая распад одной картины мира и становление альтернативной, остро затрагивала литературно-художественный процесс и в первую очередь участвующих в нем молодых поэтов и художников» [3, с. 16]. Так, первую фазу развития русского символизма т.н. «старшие символисты»: К. Д. Бальмонт, Ф. К. Сологуб, В. Я. Брюсов, Д. С. Мережковский – называют еще «индивидуалистически-декадентской» [7, с. 13] (фр. «упадок»). Поэзия декаданса явилась своеобразным итогом кризисного времяоощущения, когда будущее представлялось не только неясным, но и зачастую вовсе невозможным. Л. И. Шестов писал: «Безнадежность – торжественнейший и величайший момент в нашей жизни. До сих пор нам помогали – теперь мы предоставлены только себе. До сих пор мы имели дело с людьми и человеческими законами – теперь с вечностью и отсутствием всяких законов» [13, с. 34].

Поэтому неслучаен интерес поэтов рубежа веков к жанру молитвы, где горестные, безответные взывания к Богу являются некой отправной точкой в осознании художником-творцом новых веяний, которые управляют движениями современной жизни: «...ритмы страсти, изобретения, жажды блага, жажды обновления, протеста, гордости, сознания своей силы» [5, с. 255], – как описывал это время в своих дневниках один из родоначальников русского символизма В. Я. Брюсов. Обращение к форме молитвы в поэзии декаданса связано еще и с тем, что в «этом жанре создается “новая эстетическая реальность”, в которой важную роль играет богообщение и “установка молящегося (трансцендентная или имманентная) на духовное преображение или преображение окружающего мира в процессе богообщения”» [1, с. 17]. Поэт-символист стремился к изменениям внутренним и внешним, взывая к Создателю, вопрошая его и делая выводы.

Предметом анализа явились два стихотворения: «Зачем?» [2, с. 29-30] крупнейшего представителя русского символизма К. Д. Бальмонта (1867-1942) и «Цæмæн?» («Зачем?») [11, ф. 158] видного осетинского поэта начала XX века А. И. Токаева (1893-1920).

В Осетии идеи символизма были известны и, хоть и не привели к созданию отдельной школы, оказали огромное влияние на творчество осетинских литераторов, так как «с точки зрения сравнительно-исторического литературоведения, литературный процесс представляет собой единую цепь, звеньями которой являются культуры стран, народов и наций» [10, с. 185]. Особенно ярко идеи символизма проявились в лирике А. И. Токаева – известного поэта-символиста, новатора осетинского стихосложения, незаурядного драматурга, переводчика, публициста и художника, внесшего большой вклад в развитие национальной литературы. Особое влияние на творчество поэта оказала эстетика «старших» символистов с их увлеченностью мистикой, пессимизмом, индивидуализацией всего творческого процесса. Общностью мировосприятия русских символистов и А. И. Токаева объясняется то, что лирика поэтов-декадентов была образцом, на который

равнялся осетинский поэт, что видно и в собственном творчестве Токаева, и его поэтических переводах на осетинский язык произведений В. Я. Брюсова и К. Д. Бальмонта [11, ф. 274-275].

Стихотворение К. Д. Бальмонта «Зачем?» вышло в свет в поэтическом сборнике «Под северным небом» (1894). Эпиграфом к сборнику Бальмонт взял слова австрийского поэта-романтика Н. Ленау (1802-1850): «Божественное в жизни всегда являлось мне в сопровождении печали» [2, с. 23]. Эти настроения тоски и безнадежности преобладали в данном сборнике и, естественно, в анализируемом стихотворении – поэтической молитве, в которой отражены горечь и смятение души лирического героя. Двадцать лет спустя в Северной Осетии в 1917 году было создано стихотворение А. И. Токаева «Цæмæн?» («Зачем?») на осетинском языке. Стихотворение написано под непосредственным влиянием текста К. Бальмонта, что видно не только по названию и тематике – оба стихотворения-молитвы, – но и по практически идентичному началу.

У Бальмонта:

*Господь, Господь, внемли, я плачу, я тоскую,
Тебе молюсь в вечерней мгле.
Зачем Ты даровал мне душу неземную –
И приковал меня к земле?* [Там же, с. 29].

У Токаева:

*Хуыцау, Хуыцау, Ды хъус, кæуын та, уæ, нæ æрвон.
Дæуæн æз кувын саумайдар æхсæв.
Цæй тыххæй радтай Ды мæнæн зардæ уæларвон,
Заххыл куы каны рухс зардæ фыддзæф?* [11, ф. 158]. /
*Боже, Боже, слушай, плачу я опять, о небесный наш.
Тебе молюсь черной, безлунной ночью.
Ради чего дал Ты мне небесное сердце,
Когда на земле светлое сердце бьется с трудом?*
(тексты А. И. Токаева приводятся в подстрочном переводе автора статьи. – Д. Х.).

Очевидно, что у текстов А. Токаева и К. Бальмонта много общего: двойное обращение к Господу, мольба в ночи, обособленность лирического героя, его уникальность. Однако уже в третьей строке имеются существенные различия в источнике страданий лирических субъектов: «неземная душа» у К. Д. Бальмонта и «небесное сердце» у А. И. Токаева.

Трагическое противоречие неземной души, прикованной к бренной земле, у К. Бальмонта – логичное объяснение внутренних страданий как отдельной личности, так и человечества в целом: живя на земле, оно обладает небесной, божественной душой – единственной связью с трансцендентным. Парадокс человечества, остро ощущаемый людьми искусства во все времена, – небесная душа, заключенная в бренное тело, как дар и проклятие: «Он свободный и защищенный гражданин земли, ибо посажен на цепь достаточно длинную, чтобы дать ему доступ ко всем земным пространствам, и все же длинную лишь настолько, чтобы ничто не могло вырвать его за пределы земли. Но в то же время он еще и свободный и защищенный гражданин неба, ибо посажен еще и на небесную цепь, рассчитанную подобным же образом. Если он рвется на землю, его душит ошейник неба, если он рвется в небо – ошейник земли» [6, с. 13].

Природа плача и взываний к Богу лирического героя Токаева – не душа, которая есть в каждом человеке, но небесное сердце. Это сложный образ, отсылающий и к трансцендентному: «Жертвенное сердце» Иисуса Христа, «сердце в огне – ключевой символ для ревностных христиан» [12, с. 331]; и к имманентному: сердце – это «символический источник переживаний» [Там же, с. 330] – любви, сострадания, горя, страстей и эмоций. Для всей поэзии А. Токаева свойственны настроения трагизма и горечи, что характеризует его личность, но также является следствием веяний времени: начало XX века – сложное время для России, революционное, деятельное, противоречивое. Поэтому в трактовке личности лирического субъекта неслучайны отсылки к Иисусу Христу с одной стороны и пламенным реалиям времени – с другой.

Образ лирического героя К. Д. Бальмонта также собирательный: с одной стороны, прослеживается отсылка к теме евангельского блудного сына, который, отринув отцовский дом, стремится в бездну неизвестного; с другой, – он типичный декадент рубежа веков с его сплинным настроением, разочарованием во всем и опустошенностью:

*Я говорю с Тобой сквозь тьму тысячелетий,
Я говорю Тебе, Творец,
Что мы обмануты, мы плачем, точно дети,
И ищем: где же наш Отец?
Когда б хоть миг один звучал Твой голос внятно,
Я был бы рад сиянию дня,
Но жизнь, любовь, и смерть – все страшно, непонятно,
Все неизбежно для меня* [2, с. 30].

Интерес к теме молитвы в поэзии Бальмонта рубежа веков продиктован неустойчивостью, своеобразным вневременьем и собственными исканиями поэта, ведь для литературной молитвы в целом характерно, что «художник, находясь в состоянии “встревоженности”, вопрошает бытие о его безусловных основаниях, об истине жизни, о смысле смерти» [9, с. 305], что и происходит в данном художественном тексте. Лирический герой

взывает к Богу, но с молитвой-рассуждением, не ожидая разъяснений, он разочарованно констатирует обмануть всего человечества Отцом-Творцом и брошенность в мир неизбежного и непонятного, где все извечные вопросы о Смысле и Истине безответны. Разочарование, тоска и сплин – те основные чувства, что передает лирический субъект в стихотворении К. Бальмонта, в некой меланхолической отрешенности, вопрошая «зачем?»:

*Велик Ты, Господи, но мир Твой неприветен,
Как все великое, он нем,
И тысячи веков напрасен, безответен
Мой скорбный крик «Зачем, зачем?..» [2, с. 30].*

Диалогичность, обращенность к Создателю – то, что литературная молитва взяла от канонической, – в данном тексте также сохранены, однако для привычной схемы молитвы свойственно, что «говорящий произносит молитву в надежде на ответ, который выражен невербально» [4, с. 381]. Однако, вопрошая Господа, лирический герой стихотворения Бальмонта не надеется на ответ, его молитва – это лишь скорбный и безответный крик всего человечества к Богу. Ощущение обездоленности – это не только следствие декадентских настроений рубежа веков и ницшеанских идей, ибо на всем протяжении развития человечества молитвы, мольбы и вопрошания всегда риторичны, одиночество человека – это его единственная земная судьба: «...раньше я не понимал, почему не получаю ответа на свой вопрос, сегодня не понимаю, как мог я думать, что можно спрашивать. Но я ведь и не думал, я только спрашивал» [6, с. 10].

Стихотворная молитва осетинского поэта отличается как по форме, так и по содержанию. Так, каждая строфа начинается непосредственным обращением к адресату молитвы: «Боже, Боже», – что продиктовано не только формальными установками, но и призывом немедленно обратить внимание на вопрошающего, услышать его крики и плач, так что, в отличие от лирического героя Бальмонта, у Токаева лирический субъект отчаянно жаждет отклика на молитву, ищет его:

*Хуыцау, Хуыцау, аеркаес, ныххаудтаен ам аез цыфы.
Махи радудын – н' арын, нае, фаярсаз.
Заеххыл кауын, дзыназын. Зарда судзы хуылфы...
Хуыцау, аеркаес, ма цардма Ды аеркаес [11, ф. 158]. /
Боже, Боже, взгляни, провалился я здесь в грязь.
Пытаюсь выдернуть себя – не нахожу никак способа.
На земле плачу, стону. Сердце горит внутри...
Боже, взгляни, на мою жизнь, Ты взгляни.*

Если у К. Бальмонта герой констатирует горестно, что он брошен, обманут, что молитва его изначально безответна, то у А. Токаева напротив: он кричит, страдает, отчаянно взывает с земли в Небеса. Акцент в стихотворении осетинского поэта на том, что жизнь на земле ужасна, это грязь, в которой, как в болоте, увяз герой с небесным сердцем, это безбожный мир, погрязший в пороках:

*Хуыцау, Хуыцау, цай зын у, цай, царын нае заеххыл!
Гæды дуне, фæлывд дуне, маенгард!
Фалтау куы царин искуы иунагæй къæдзæхыл.
Заеххыл нае зонынц Дæу. Ды сам Дæ дард [Там же]. /
Боже, Боже, как же это трудно жить на нашей земле!
Лживый мир, фальшивый мир, коварный!
Лучше бы я жил в одиночестве где-нибудь на скале.
На земле Тебя не знают. Ты для них далеко.*

Если герой Бальмонта отождествляет себя со всем человечеством, говорит от его имени: «...мы обмануты, мы плачем, точно дети» [2, с. 30], – то лирический субъект Токаева противопоставляет себя ему, в его понимании людской мир – это ложь, коварство и фальшь. Возможное спасение от земной жизни для него в одиночестве, причем в данном контексте – с национальной окраской, с местным колоритом: «Фалтау куы царин искуы иунагæй къæдзæхыл» [11, ф. 158]. / «Лучше бы я жил в одиночестве где-нибудь на скале». Поэт родом из высокогорного осетинского села Даргавс, поэтому местом откровений и трансцендентной связи с богом для него являются горы, а скалы и пещеры – самые частотные образы в его лирике.

Бог в стихотворной молитве К. Д. Бальмонта забыл о своем творении, отвернулся, бросил свое создание, от чего обездоленность из века в век и крик-молитва человечества всегда безответны. В тексте А. И. Токаева, напротив, сами люди забыли Творца, это их выбор – жить на земле без Господа, поскольку он есть где-то далеко и его власть не ощущается в бренном мире.

В образе лирического героя в стихотворении Токаева можно проследить множественную связь с христианской символикой – от горящего сердца (Иисус Христос) до падших ангелов, поскольку, даровав небесное сердце, Бог низверг героя на грешную землю для страданий, в знак неведомого наказания, потому герой и вопрошает «зачем?» или «почему?» (с осетинского языка «цамаен» можно перевести двояко).

*Хуыцау, Хуыцау, цамæн цæвдызтай маен захма Ды,
Цай тыххæй радтай маен цымæ заххаен?
Ма зарда – заед. Фæкодтай маен заеххыл фыдмæты.
Хъæр Дæм канын, Хуыцау: «Цамæн, цæмаен?!» [Там же]. /*

*Боже, Боже, почему низверг меня на землю Ты,
Почему, интересно, отдал земле меня?
Мое сердце – ангел. Провел меня по земле через тяжкие заботы.
Кричу Тебе, Боже: «Почему, почему?!».*

Образ лирического субъекта как Избранного часто встречается в творчестве А. Токаева, он – Иной, с душой ангела, Сын солнца, тот, кто обладает тайными знаниями (см. стихотворения «Куырмыты хуыцау» («Бог слепых») [Там же, ф. 145], «Цэссыг» («Слеза») [Там же, ф. 166], «Цыкуырайы фæрдыг» («Бусина желаний») [Там же, ф. 72] и др.). В образах лирических героев поэзии Бальмонта и Токаева много сходств, но есть и различия: бальмонтовский герой также Избранный, но он возвышается над миром, осознает свою уникальность и оторванность от человечества, его обособленность декадентская, вызванная разочарованием в традиционном мироустройстве, с противопоставлением себя окружающей действительности: «Моя душа для всех чужая, / Непостижимостью живет...» («Двойная жизнь») [2, с. 330]; «Я не из тех, чье имя легион. / <...> В моих зрочках – лишь мне понятный сон» («Я не из тех») [Там же, с. 262].

Однако субъект поэзии Токаева, хоть и осознает свою уникальность, но для него она, с одной стороны, – тяжкое бремя и проклятье, а с другой, – особая жертвенность, мистический талант, Избранность, которую он стремится использовать для достижения счастья родного народа: «Æз зонын тæхын уæларвмæ, дзурын зæдтмæ, хъазын стъалытмæ, æз атахин уæларвмæ. Æз зонын хауын дæлдзæхмæ, хъусын æнабын Дæлдзæхы мæлдздыжыты зарын, æз ныххауин Дæлдзæхмæ. Фæлæ æз цы адаемæн кусын, уыдон нырма агурынц æрмæст кæрдзыны къæбæр, цаемай, ма бахуысса сæ уынгаг цард. Уыдон тухи кæнынц кæрдзын ссарыныл æмæ уал сын раттын хъæуы “кæрдзын”» [11, ф. 276]. / «Я умею летать в небесах, говорить с ангелами, играть со звездами, я улетел бы на небо. Я умею падать под землю, слушать в бездонной пропасти песни муравьев, я упал бы под землю. Но те люди, для которых я работаю, они пока еще ищут только кусок хлеба, чтобы не погасла их стесненная жизнь. Они страдают в поисках хлеба, и пока им надо дать “хлеб”».

В анализируемом стихотворении герой сознает свою уникальность иотягощен ею, он воспринимает жизнь как изгнание из Рая, ведь в лживом, безбожном мире светлое сердце бьется с трудом. Понимая, что не принадлежит к числу обычных смертных, он вопрошает Творца в мольбе отчаяния, за что Бог отдал его земле, пытается узнать свою вину и жаждет постичь смысл бытия.

Таким образом, оба стихотворения написаны в разное время на общую тему молитвы, причем осетинской поэт вдохновился текстом своего предшественника (сходство в первых строках). Однако это два самостоятельных произведения с различными образами лирических героев и уникальными трактовками темы молитвы. Вопрос к Богу «Зачем?» у К. Д. Бальмонта становится риторическим, герой не ищет ответа, поскольку Господь забыл свое творение и все мольбы из века в век глухи и безответны. Горечь и разочарование – свойство времени декадентства рубежа веков, те же настроения отражены и у Бальмонта. Его герой особенный, знающий, он тот, кто постиг Истину: молитва – это лишь монолог, а удел человечества – брошенность и безнадежность.

Лирический субъект А. И. Токаева – личность уникальная с сердцем-ангелом, он Светлый, низвергнутый на Землю ради страданий, причину которых он пытается постичь, взывая к Богу. Поэтому его крики – не констатация одиночества человечества, как у Бальмонта, его вопли полны отчаяния и жажды ответа. В образе лирического героя А. Токаева присутствуют многочисленные отсылки к христианской символике: горящее сердце, падшие ангелы. Если у К. Бальмонта отражены настроения рубежа веков, то у Токаева присутствует мироощущение революционных лет: страстные эмоции, разлад между разумом и сердцем, острая потеря бога, герой, как падший ангел, жертвует своим небесным сердцем, увязая в жизненных распрях.

Тема молитвы раскрывается у К. Д. Бальмонта и А. И. Токаева с позиции времени и эстетических установок, взывания лирических героев к Господу отражают философские взгляды и творческие искания поэтов. Ведь каждый художник-творец в то или иное время восклицает «Зачем?» и «Почему?», обращаясь к Главному Творцу, пытаясь в своем искусстве дать ответы на извечные вопросы жизни и смерти.

Список источников

1. **Афанасьева Э. М.** «Молитва» в русской лирике XIX века // Русская стихотворная «молитва» XIX века: антология / сост. Э. М. Афанасьева. Томск: СТТ, 2000. С. 7-58.
2. **Бальмонт К. Д.** Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Книжный Клуб «Книговек», 2010. Т. 1. 504 с.
3. **Бандурин Н. С.** Имажинизм в контексте европейских и отечественных авангардистских течений начала XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 1 (12). С. 16-22.
4. **Бердникова Т. В.** Диалогизм жанра молитвы в структуре лирического стихотворения // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Наука, 2009. Вып. 6. С. 381-388.
5. **Брюсов В. Я.** В гостях у Верхарна. Из записной книжки // Брюсов В. Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2002. С. 250-258.
6. **Кафка Ф.** Афоризмы. Размышления об истинном пути // Кафка Ф. Собрание сочинений: в 3-х т. / пер. с нем. С. Апта. М. – Харьков: Художественная литература; Фолио, 1994. Т. 3. С. 7-19.
7. **Колобаева Л. Н.** Символ в понимании символистов // Колобаева Л. Н. Русский символизм. М.: Изд-во Московского университета, 2017. С. 11-33.
8. **Максимов В.** Французский символизм – вступление в двадцатый век // Французский символизм. Драматургия и театр. СПб.: Гиперион; Гуманитарная академия, 2000. С. 5-52.

9. **Перевалова О. А.** Теория жанра молитвы в современном литературоведении // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. ст. по материалам III Всероссийской научной конференции молодых ученых. Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2013. С. 300-308.
10. **Стрельникова А. Б.** Символистская поэзия Франции и творчество М. Метерлинка как предмет интереса Ф. Сологуба // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6 (24). Ч. 2. С. 185-188.
11. **Токаты А.** Уацмыста. Орджоникидзе: Ир, 1973. 308 ф.
12. **Тресиддер Дж.** Сердце // Тресиддер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. С. 330-331.
13. **Шестов Л. И.** Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. 214 с.

**“WHAT FOR?” AND “WHY?”: PRAYER THEME
IN SYMBOLIST POETRY (K. D. BALMONT AND A. I. TOKAEV)**

Khetagurova Dzerassa Kazbekovna, Ph. D. in Philology
Research Department “Scythian-Alan Research Center”
of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
dze-khe@yandex.ru

The article examines two poems: “What for?” by the major representative of “senior symbolists” K. D. Balmont and “Why?” by the Ossetian symbolist poet of the beginning of the XX century A. I. Tokaev. The central theme of both poems is a prayer, an appeal to God. Tokaev’s poetical work is written under the immediate influence of Balmont’s poem but the theme is interpreted differently by the poets. The analysis identified the peculiarities of the lyrical heroes’ images (Balmont’s disillusioned decadent and Tokaev’s sufferer with a heart-angel) and the specificity of representing the prayer theme from the viewpoint of modern spirit: the turn of the XIX-XX centuries with Balmont and revolutionary years of the beginning of the XX century with Tokaev. For the first time in Russian and Ossetian literary criticism the author refers to the comparative analysis of the chosen poems.

Key words and phrases: symbolism; decadence; poetic prayer; lyrics; tragedy of the world; loneliness; “chosen people” conception; literary personage; K. D. Balmont; A. I. Tokaev.

УДК 801.73

Дата поступления рукописи: 30.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.22>

Роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» – один из самых любимых в Китае. В течение XX века его переводили десятки раз. Одним из лучших современных переводчиков этого романа является Чжи Лян, выпускник факультета русского языка и литературы Пекинского университета, профессор Шанхайского Хуадон педагогического университета и заместитель председателя ассоциации компаративистов в Шанхае. В статье обращается внимание на предисловие, которое Чжи Лян предпослал своему переводу «Дворянского гнезда», поскольку в нем он выразил свое отношение к тургеневскому роману и предложил свое понимание ключевых его образов и идей, в некоторой степени отличающихся от привычных в Китае трактовок этого текста. Оценки Чжи Лян в какой-то степени субъективны, но выражают глубокую заинтересованность переводчика в том, какому делу он служит. Его видение свободно от стереотипов, которые сложились в восприятии «Дворянского гнезда» в Китае, и потому оно важно для китайской традиции понимания творчества Тургенева.

Ключевые слова и фразы: «Дворянское гнездо»; Тургенев; Чжи Лян; Китай; восприятие.

Чэнь Яньсю

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
chenyanxiu001@gmail.com

РОМАН И. С. ТУРГЕНЕВА «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО» В ОЦЕНКЕ ПЕРЕВОДЧИКА ЧЖИ ЛЯН

Чжи Лян (р. 1928 г.) известен в Китае как серьезный ученый, автор статей о зарубежной литературе, преподаватель и литературный деятель. Он много времени уделяет переводам, которые считает главным делом своей жизни. Из русских писателей ему наиболее близки и интересны Тургенев, Пушкин и Л. Толстой. Чтобы выразить свою любовь к творчеству Тургенева и свое уважение к этому великому русскому писателю, в 1994 году Чжи Лян перевел роман «Дворянское гнездо», который в дальнейшем неоднократно переиздавался (2006, 2013, 2014, 2016 гг.). Этот роман Тургенева является для Чжи Лян самым любимым, о чем он и сообщил в предисловии к первому изданию своего перевода в самом начале. Именно в предисловии Чжи Лян представил свое видение этого сочинения Тургенева. Прежде всего переводчик дал характеристику центральным персонажам «Дворянского гнезда», отдельное внимание уделил стилю романа и особенностям психологизма, а также кругу идей, в романе представленных. Многие из оценок Чжи Лян представляются глубокими, они лишены идеологической риторики и не стереотипны.

Персонажи романа

1. Лаврецкий

Лаврецкий, будучи центральным героем романа «Дворянское гнездо», всегда оказывается в центре внимания китайских ученых. Чжи Лян в этом смысле не является исключением, поэтому в его предисловии